

А. АРАМЯН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОНЕТИКИ И ФОНОЛОГИИ В РУССКОМ И АРМЯНСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Русские языковеды И. А. Бодуэн де Куртенэ (1845—1929 гг.), Н. В. Крушевский (1851—1887 гг.), В. А. Богородицкий (1857—1941 гг.), Л. В. Щерба (1880—1944 гг.) и другие поставили вопрос о фонеме, как о реально существующем звуке человеческой речи, о ее смысловозначительной, «знаменательной» функции, о ее социальной природе.

И. А. Бодуэн де Куртенэ, опираясь на данные психологии и физиологии, создал подлинно научное учение о фонеме и фонетических чередованиях. Рассматривая языковые факты с исторической точки зрения, Бодуэн де Куртенэ применял сравнительно-исторический метод исследования.

Впервые проведя разграничение между физиолого-акустической (антропофонической) и лингвистической, социальной (смысловозначительной) сторонами языка, Бодуэн де Куртенэ выделил фонему, как необходимое обобщающее понятие и явление при исследовании и установлении фонетического строя языка.

Разграничивая фонему и звуки речи и устанавливая их качественное различие, Бодуэн де Куртенэ подчеркивает смысловозначительную, «знаменательную» роль фонемы. Благодаря этому, фонема становится неотъемлемой частью наименьшей морфолого-смысловозначительной единицы — морфемы.

Большой заслугой Бодуэна де Куртенэ является создание теории чередований (дивергентов), где он, наряду с рассмотрением взаимоотношений фонем, особо подчеркивает момент становления и развития фонемы. Глубокой проницательностью ученого Бодуэн де Куртенэ предвидел, что оттенки, пока еще существующие в процессе исполнения, могут усилиться до образования самостоятельных языковых единиц, т. е. фонем.

Теория дивергентов Бодуэна де Куртенэ получила углубленную трактовку в работах акад. Л. В. Щербы¹.

Продолжая и критически развивая идеи своего учителя Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щерба создал учение об оттенках фонем.

В своих исследованиях «Русские гласные в качественном и количественном отношении», «Фонетика французского языка», «Очередные проблемы языкознания» и др., развивая теорию фонем, как смыслоразличительных языковых единиц, Л. В. Щерба показал, что в числе тех звуковых единиц, которые используются в языке в качестве различителей смысла, существуют и другие звуковые различия, не имеющие смыслоразличительной силы. В языковой системе они не составляют отдельных смыслоразличительных языковых единиц — фонем.

Весьма ценное положение Бодуэна о становлении и развитии фонем получило у акад. Щербы более глубокую и научно-обоснованную трактовку в виде теории звуковых оттенков.

«...Оттенки фонем, — пишет он, — не будучи ассоциированы со смысловыми представлениями, являясь лишь неосознанным следствием окружающих условий, не способны к перенесению по аналогии», т. е. не являются теми основными единицами, с которыми мы только и можем оперировать в лингвистике»².

Согласно теории акад. Щербы, наряду с этими оттенками фонем, существует один, который имеет более самостоя-

¹ Дивергенты Л. В. Щерба называл «звуковыми оттенками».

² Л. В. Щерба, Русские гласные в качественном и количественном отношении, СПб., 1912, стр. 16 (подч. авт.)

тельное существование, может быть изолирован и обладает смыслоразличительной силой. В учении о фонеме Щербы он носит название «типического оттенка»¹.

Если Бодуэн де Куртенэ считал позиционно-чередующиеся звуки разновидностями одной фонемы, то акад. Щерба изменения фонемы в морфеме считает позиционными модификациями различных фонем.

При словообразовании и словоизменении тот или другой звук слова, вследствие его определенной позиции по отношению к ударению, его положения в слове (в начале, в середине и в конце слова), или же по его позиционной обусловленности по отношению к соседним звукам, подвергается изменениям различного рода. В результате получается замена одной фонемы другой, определенной фонемой, соответствующей данной позиции. При этом, чередующаяся фонема теряет один артикуляционный, характеризовавший ее компонент и приобретает другой, сохраняя, конечно, все остальные дифференциальные признаки, которые обеспечивают ее принадлежность к данной звуковой группе.

По нашему предположению данные позиционно-чередующиеся звуки являются разновидностями одной и той же фонемы, а не позиционно-чередующимися разновидностями различных фонем. Чередующиеся звуки по-прежнему относятся к одной определенной группе фонем, но они взаимно исключают друг друга в том смысле, что каждый из них появляется в определенных, характерных для данного оттенка, условиях².

Акад. Щерба отношение фонемы к ее оттенкам рассматривает как отношение между общим и частным, называя оттенками фонем «реально произносимые различные звуки, являющиеся тем частным, в котором реализуется общее (фонема)»³.

Подчеркивая непосредственную связь фонемы со значением слов, акад. Щерба обращает внимание на тот факт,

¹ Л. В. Щерба, Русские гласные в качественном и количественном отношении, СПб, 1912, стр. 19.

² Это явление было названо Бодуэном де Куртенэ живым фонетическим чередованием.

³ Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, стр. 19.

что некоторые фонемы могут функционировать как самостоятельные смысловые единицы, выступая в качестве отдельных слов и морфем. Фонетический анализ слов базируется именно на таких единицах.

Таковы предлоги *в, с, к, у* и т. д., союзы *а, и* и т. д., которые выражают разные грамматические взаимоотношения и обстоятельства (*в* — направление действия, *у* — местонахождение действия или предмета и т. д.).

В древнеармянском языке такие формы, обладающие самостоятельной функциональной ролью, существовали. Предлог *ի* (значение предлога *в* в русском языке) *ի տանի* — *домой*, предлог *չ* соответствует русскому *до*: *չտեսնիք* — *до свидания* и т. д.

В современном армянском языке существует лишь одна гласная фонема *и*, которая изолированно употребляется в роли сочинительного союза, а вышеуказанные древнеармянские фонемы в современном армянском языке сохранились как окостенелые грамматические формы, и прежняя функция их в настоящее время не осознается¹.

Л. В. Щерба указал, что фонемный состав каждого языка образуется из отдельных его членов, которые противопоставляются друг другу серией противоположностей, совокупность которых составляет специфику данной фонемы.

Благодаря этим специфическим, артикуляционно-акустическим признакам, осуществляется противопоставление фонем в языковой системе, как в пределах одного языка, так и в отношении других языков².

Например, группа согласных фонем армянского языка *չ, զ, ր* противопоставляется по одному артикуляционному признаку — по звонкости, группе *տ, զ, լ*, а по другому ар-

¹ В настоящее время в современном армянском языке употребляется немало слов, заимствованных из древнеармянского языка. Из них очень широко употребляется слово *ի զտեսնիք* — *к сведению*, где предлог *ի* — имеет самостоятельное смысловое значение.

² Нужно отметить, что в армянской лингвистике не делается попыток классификации фонем с точки зрения их фонетического противопоставления. Между тем оно является кардинальным принципом в фонологическом исследовании звукового слоя в любом языке.

тикуляционному признаку — по месту образования, группе δ, γ (а по признаку звонкости он совпадает с последними).

Характерными и смыслоразличительными признаками звуков γ, γ, ρ являются их мгновенная артикуляция и звонкость.

Та же группа звуков γ, γ, ρ противопоставляется группе σ, ζ, ψ лишь по одному признаку — по звонкости, а по другому признаку — по месту образования звуки σ, ζ, ψ и γ, γ, ρ совпадают.

С другой стороны та же самая группа звуков γ, γ, ρ противопоставляется, например, группе звуков δ, λ, ν уже по двум дифференциальным признакам: по качеству ρ, γ, γ — звонкие, а δ, λ, ν — глухие; по способу образования — первые — смычные, вторые — фрикативные.

Таким образом, каждая фонема выступает как совокупность ряда характеризующих ее признаков, которые составляют профиль данной фонемы. Стоит ей потерять одно из этих характерных свойств, как она перестанет быть представителем данной звуковой группы. Например, стоит потерять звуку ρ звонкость, как он будет восприниматься не как звонкий ρ , а как глухой (смычный) ψ , который входит уже в другую категорию звуков.

Все звучания, принадлежащие к определенному звуковому типу, благодаря объединяющим их общим физико-артикуляционным признакам, выступают в языке в роли смыслоразличителей и членов противопоставления.

Дальнейшая разработка вопросов фонетики и фонологии в современной советской лингвистике пошла по двум направлениям.

Представители этих направлений, исходя из основных принципов Л. В. Щербы и А. И. Бодуэна де Куртенэ расходятся на полпути.

Обе школы рассматривают фонему как языковую единицу, которая в языке играет смыслоразличительную роль: они считают, что, благодаря смыслоразличительной функции фонемы, осуществляется главная функция языка — коммуникативная. Признавая в фонеме кратчайшую языковую единицу, которая, обладая смыслоразличительными и функци-

ональными признаками, делает возможным фонетическое деление слова, представители обоих направлений видят в ней нестделимую часть морфемы.

Как первое, так и второе направление рассматривают фонему в качестве основной ячейки человеческой речи, которая, однако, не равна одному звуку; в речевом потоке фонема модифицируется и «реализуется» в нескольких языковых единицах.

Однако весь вопрос в том, в каких, именно, конкретных языковых единицах реализуется модифицирующая фонема. На этот вопрос представители двух направлений отвечают по-разному.

Ленинградские фонологи (М. И. Матусевич, Л. Р. Зиндер, В. И. Лыткин и др.) развивают щербовскую теорию оттенков фонем в следующем плане. Фонема может стать представителем одной определенной группы звуков, которые объединяются благодаря своим акустически однородным признакам. Звуки, имеющие совершенно разные акустические характеристики, не могут быть оттенками одной фонемы.

В потоке речи звуки речи выявляются в своих акустически разнородных модификациях; следовательно, позиционные модификации фонемы выступают в языке как чередование акустически разнородных, различных фонем.

Так, например, в словах го́род, городско́й, горожа́нин мы имеем альтернаты качественно-разнородных фонем, которые реализуются в качественно-различных модификациях фонемы [o].

Тот же самый факт с точки зрения представителей другой фонологической школы (Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский и др.) трактуется в следующем аспекте. В словах го́род, го́ро д с ко́й горожа́нин мы имеем одну и ту же фонему [o] в трех разных позициях, в трех своих модификациях, которые, по терминологии московской фонологической школы, называются вариантами фонем. Несмотря на разный акустический эффект, варианты одной фонемы выполняют одинаковую смысловозначительную функцию, сохраняя свое общее смысловозначительное значение, осо-

знанное данным языковым коллективом. Подходя к вопросу с этой точки зрения, мы вправе считать эти варианты альтернативами одной звуковой единицы и объединять их в одну группу. В данном случае фонема [o], входя в состав морфемы гор, несмотря на три разных звучания, сохраняет свое основное значение в трех вышеупомянутых словах. Следовательно, тут мы имеем не разновидности различных фонем, а модификации одной и той же фонемы, обусловленные конкретными позиционными условиями. Из этого вытекает другое важное положение, а именно, что внутри одной морфемы разновидности одной и той же фонемы по смыслу не противопоставляются друг другу, поскольку они выполняют одинаковую функцию в смысловом различении данной морфемы.

Наиболее полно и подробно принципы московской фонологической школы излагаются в работах Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова «Очерк грамматики русского литературного языка» (часть I, 1945), А. А. Реформатского «Введение в языкознание» (1955, Москва), П. И. Кузнецова «Фонетический состав современного французского языка» и др.

Развивая свои положения о фонетике и фонологии, они выдвигают на первый план понятие «вариантов», «вариаций» и «определенной (сильной и слабой) фонетической позиции».

В позиции наименьшей обусловленности (сильная позиция) фонемы сохраняют противопоставление и, различаясь, различают значение единицы языка, тут фонема выступает в своем основном виде. В позиции же максимальной обусловленности, противопоставленные фонемы перестают различаться и различать значимые единицы языка; фонемы проявляются в виде оттенков — вариаций и вариантов (по своему звучанию совпадая с теми или другими фонемами)¹.

Например, звук ы является вариацией звука ѣ после твердых согласных.

В армянском языке большинство согласных, предшествующих среднеязычному сонанту ʎ, за некоторым исключением, выступают в своих различных вариациях. Например, в словах *անկյուն* — угол, *թնդյուն* — гром, грохот, *մտնյալ* —

¹ См. А. А. Реформатский, Введение в языкознание, Москва, 1955.

журнал, հնչյուն — звук, գրականություն — литература, բերան-
հանություն — грамматика и т. д. звуки *č, ç, ʷ, ʃ, ʒ* пред-
ставляют собой смягченные вариации фонем *ч, ç, ш, ʃ, ʒ*.
Они, хотя и отличаются от основного вида фонемы, но всег-
да принадлежат одной фонеме и по звучанию не совпа-
дают с другими фонемами.

Варианты, в отличие от вариаций, представляют собой
такие позиционно обусловленные разновидности фонем, ко-
торые по своему качеству (по звучанию) совпадают с дру-
гими фонемами.

Так, например, в русском языке в конце слова звонкая
фонема *д* оглушается и проявляется в своем глухом вариан-
те *т*, совпадая, таким образом, с глухой фонемой *т* (род,
год и т. д.).

В армянском языке закон оглушения звонких соглас-
ных¹, следующих за звуками *р, Լ, ղ* в определенных условиях,
дает богатый материал для изучения вариативных видоиз-
менений многих согласных звуков.

Так, например, в словах *սիրոյ* — роза, *կարգ* — ряд, по-
рядок, *կրչաւորիկ* — счастливый, *րարձր* — высокий, *աղբիւր* —
источник, родник и т. д. артикуляция звонких согласных
фонем *չ, ջ, օ, ւ* совпадает с соответствующими им придыха-
тельно-глухими звуками *ժ, ք, ց, շ*, которые в данном случае
выступают в качестве заменителей. Они здесь выступают в
роли так называемого звукового омонима и не различаются
по функции от совпавших фонем.

Заслуживает внимание тот факт, что в армянском языке
существует также явление, противоположное вышеуказанно-
му: происходит не только оглушение звонких согласных фо-
нем, но и озвончение некоторых глухих согласных.

Так, например, в словах *ընկեր* — товарищ, *ընկա* —
упал (а), *բանկ* — дорогой (ая, ое), *բանա* — тюрьма, *ընկա* —
бунт, *բանկ* — банк и т. д. глухие фонемы *չ, ւ* совпадают со
своими звонкими вариантами *չ, ջ*. Особенно такого рода из-
менениям подвергаются согласные последующие сонанту *Է*.

¹ Закон оглушения звонких согласных после *р* в армянском языке
не распространяется на некоторые слова, заимствованные как из древне-
армянского языка, так и из других языков.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно прийти к следующим выводам:

1. Восходя своими корнями к дивергентам А. И. Бодуэна де Куртенэ, рассматривавшего позиционно-чередующиеся звуки как разновидности одной и той же фонемы, теория вариантов и вариаций позволяет видеть живое воплощение одной фонемы в разных конкретных случаях. Она подтверждает, что позиционно-чередующиеся звуки являются модификациями одной фонемы.

2. Считая, что качественные изменения звуков связаны с их определенной позицией в слове (слабые и сильные позиции), можно предполагать, что в каждом языке имеются некоторые определенные позиции, где звуки находятся в наименьшей обусловленности от окружающих их условий. Данные позиции для них являются сильными, а выступающие в данных позициях звуки являются основными видами фонем. Именно в этих позициях осуществляется качественное различение фонем.

3. Основной вид фонемы в речевом потоке реализуется в своих конкретных модификациях — в вариантах и вариациях.

4. Благодаря смыслоразличительной роли фонем, в каждом языке осуществляется функционально-фонетическое членение слов и морфем. Фонемы каждого языка составляют систему, обязательную только для данного языка.

5. Фонетическая система каждого языка устанавливается в результате противопоставления фонем. Противопоставление фонем осуществляется по тем характерным признакам, которые различают одну фонему от другой или одну группу фонем от другой.

Характерный признак каждой фонемы или группы фонем одновременно является дифференциальным признаком.

* * *

В армянской лингвистике вопросы фонетики и, в частности, фонологии в широком плане не разрабатывались. В частности не была составлена детальная характеристика ковсонантизма и вокализма армянского языка как с фоно-

логической, так и с фонетической точки зрения. Фонетика, как таковая, интересовала большей частью диалектологов. Из более ранних работ, в которых затрагиваются некоторые вопросы фонетики армянского языка, нужно упомянуть книги К. Патканова «Исследование о составе армянского языка», «Исследование о диалектах армянского языка» и т. д., сочинения Л. Мсерянца «Этюды по армянской диалектологии», С. Саргисянца «Зокский язык» и др.

В 1887 году русский лингвист и арменист А. Томсон исследовал фонетику и морфологию ахалцыхского говора¹.

Несколько лет спустя, в 1890 году была издана вторая книга А. Томсона, посвященная исторической грамматике современного армянского языка города Тифлиса².

В связи с выходом в свет исследования Н. И. Гануша «Фонетика говора польских армян»³, опубликованного также в армянском периодическом журнале «Андес Амсореа» за 1890 год, А. Томсон пишет рецензию, которая, однако, выходит за пределы рецензии и является новым исследованием фонетики галицкого говора⁴.

Исследованию фонетического строя (и не только фонетического строя) армянских диалектов посвятил свои многочисленные труды корифей армянского языкознания акад. Р. Ачарян⁵.

В связи с проблемой соответствия армянского письма его произношению в первой половине XX века появилась целая серия книг и статей. Были изданы работы Ст. Малхасянца, М. Абеяна, писателя Г. Агаяна и др.⁶, которые вы-

¹ А. Томсон, Лингвистическое исследование. Краткий очерк фонетики и морфологии ахалцыхского говора, СПб., 1887.

² А. Томсон, Историческая грамматика современного армянского языка города Тифлиса. СПб., 1890.

³ Johann Hanusz, Beiträge zur armenischen Dialectologie Wiener Zeitschrift f. d. Kunde de Morgenlandes, в I, III, 1887—1889 (неоконченная работа).

⁴ А. Томсон, К фонетике говора польских (галицких) армян, Одесса, 1869.

⁵ Р. Ачарян, Очерк и классификация армянских диалектов, Москва—Н. Нахичевань, 1911 и др.

⁶ Ст. Малхасянц, Одному звуку—одна буква. Тифлис, 1910. М. Абеян, Реформа орфографии, 1925, Ереван, Руководство к новому

двигали весьма интересные положения относительно звукового строя армянского языка.

Однако во всех этих исследованиях и в появившихся в последующий период работах¹ не дан аналитический анализ звукового строя языка.

В более обширном плане вопросы фонетики и фонологии (опять таки в общелингвистическом аспекте) рассматриваются в фундаментальном исследовании акад. Гр. Капанцяна «Общее языковедение»².

При исследовании звуковой стороны языка Гр. Капанцяна выделяет три ее аспекта: а) биологический, б) психологический и в) социально-исторический.

Под первым, биологическим аспектом он подразумевает физиолого-анатомические, физические (колебания воздуха) и акустическо-физиологические («слуховые») свойства звука.

Под «психологическим» аспектом автором подразумевается общее психическое представление о звуке (*ստիպիւմը լսմի հիշողութիւնը*), без которого произношение конкретного звука невозможно.

Третья, основная сторона человеческой речи, заключается в его социально-историческом аспекте. Эта роль звука речи осуществляется через посредство каждого индивида данного языкового коллектива и получает общепризнанную оценку, поскольку каждый звук почти в одинаковой артикуляции существует у всех членов данного языкового коллектива³.

Рассматривая звуковую сторону языка в его психическом аспекте, проф. Капанцяна определяет фонему как существующее в нашей памяти общее психическое представление.

«Изолированно взятый звук, — пишет проф. Капанцяна. —

армянскому правописанию, 1922, Г. Агаян, Об армянских звуках, Тифлис, 1874 и т. д.

¹ М. Абебян, Теория современного армянского языка, Ереван, 1931, Г. Севак, Теория современного армянского языка, Ереван, 1933, А. Гарябян, Армянская диалектология, Ереван, 1953, В. Аракелян, Фонетика современного армянского языка, Ереван, 1955 и др.

² Гр. Капанцяна. Общее языковедение, I часть, Ереван, 1939.

³ Там же, 1939, Ереван, ч. I, стр. 44—45.

может стать предметом анализа, поскольку он в общественном сознании составляет необходимый и знаменательный (*հշահահիւ* — авт.) элемент. А с другой стороны, звук составляет цельность (*ախրախրախիւ* — авт.) в нашей психике, поскольку мы имеем его цельное, обязательное представление — запоминание. Впоследствии этот звук выделяется у нас как фонема и, как таковая, служит строительным материалом, фундаментом языка.

В акустическом, психическом и социально-историческом понимании фонема составляет неразрывное качество¹.

В рассматриваемой работе Гр. Капанцяна не выдвигает вопроса об оттенках или о вариантах фонем. Однако на основе некоторых положений автора можно предположить, что Гр. Капанцяна отличал фонему («общественно-историческое», «общепризнанное» понятие) от ее физиологически различных конкретных форм проявления. Последние выступают в живой речи, но в данном языковом коллективе еще не получили своей фонетической смыслообразительной функции².

Хотя в работе проф. Капанцяна некоторые общелингвистические вопросы трактуются психологически, данное исследование представляет для нас определенную ценность. «Общее языковедение», проф. Капанцяна по своему характеру первая в армянском языкознании работа, где в таком широком плане рассматриваются вопросы фонетики и фонологии. В этом труде армянский читатель впервые знакомится с основными языковедческими взглядами выдающегося русского ученого И. А. Бодуэна де Куртене.

* * *

С теоретической и общелингвистической точки зрения вопросы фонетики (отчасти и фонологии) рассматриваются в работе проф. Э. Б. Агаяна «Введение в языкознание»³.

Сжато, но весьма четко и определенно, автор излагает свои взгляды относительно звуковой стороны языка.

¹ Гр. Капанцяна, Общее языковедение, 1938, Ереван, ч. I, стр. 43.

² Там же, ч. I, Ереван, 1953, стр. 122.

³ Э. Б. Агаян, Введение в языкознание, 1952, Ереван, Изд. МГУ (на армянском языке).

Проф. Э. Б. Агаян, в соответствии с общепризнанным мнением, считает, что звук речи — это наименьшая материальная единица языка. Рассмотрение звуков возможно с двух точек зрения: физико-физиологической и социально-исторической.

Однако, как замечает проф. Агаян, нельзя упускать из виду тот момент, что изучение звуковой стороны языка с физико-физиологической и социально-исторической точек зрения в отдельности носит относительный характер, и их деление преследует лишь научно-исследовательские цели. На самом же деле эти две стороны находятся в неразрывной связи и составляют две необходимые части одного общего явления.

Взаимная обусловленность звуков в каждом языке составляет его своеобразную целостную звуковую систему, благодаря которой один язык отличается от другого. Следовательно, овладеть каким-нибудь языком значит, в первую очередь, овладеть его системой произношения, теми нюансами артикуляции, которые составляют особенности данного языка.

Хотя «в разных языках, — пишет Э. Агаян, — одни и те же звуки имеют общие артикуляционные свойства, однако они обладают также специфическими признаками, которые являются результатами своеобразных укладов произносительных органов, их большей или меньшей напряженности и т. д.»¹.

«Таким образом, — продолжает автор, — звуки разных языков, помимо своих общих, основных артикуляционных признаков, имеют и частные особенности, свойственные каждому языку; они и вызывают в каждом языке типичный для него акцент»².

Совокупностью своеобразных произносительных особенностей данного языка объясняется ряд характерных явлений его звукового строя. В некоторых языках не допускаются определенные звуковые группы. Так, например, арабскому языку чуждо стечение двух (и более) согласных — в начале

¹ Э. Б. Агаян, Введение в языковедение, стр. 148

² Там же, стр. 148—149.

лова; в грузинском — происходит обязательная диссимиляция и переход в *l* одного из двух *l*, встречающихся в одном слове и т. п.

Согласно мнению проф. Агаяна, каждому языку, помимо языкового акцента, присуща также своеобразная артикуляционная база.

«...В процессе своего развития язык создает свою специфическую систему фонем, совокупность которых составляет артикуляционную базу данного языка. Таким образом, артикуляционная база каждого языка есть система и совокупность его фонем на данном этапе его развития»¹.

Проф. Агаян справедливо отмечает, что характер языкового акцента вызывается специфическими артикуляционными особенностями (артикуляционной базой) языка. Однако дальнейшее рассмотрение данного вопроса ведется неправильно.

Во-первых, определяя языковой акцент как совокупность артикуляционно-произносительных особенностей языка, автор фактически отождествляет его с артикуляционной базой языка, ограничивая этим понятие артикуляционной базы и заменяя более узким понятием — языкового акцента. Между тем, языковой акцент представляет собой именно языковое явление, порождающееся артикуляционной базой данного языка.

Во-вторых, нам кажется неправильным данное проф. Агаяном определение артикуляционной базы, как системы звуков языка на данном этапе его развития.

Классическое определение артикуляционной базы мы находим у акад. Л. В. Щербы. Артикуляционная база есть «общий, характерный» для данного языка «уклад органов» речи или, вернее, некоторая общая направленность движений при артикулировании фонем согласных и гласных².

Рассматривая вопросы, относящиеся к конкретным проявлениям фонем, Э. Б. Агаян замечает, что в каждом языке в речевом процессе обнаруживается гораздо большее количество звуков, чем их на самом деле существует в языке. Один

¹ Указ. соч., стр. 156 (разрядка наша).

² Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, Москва, 1955, стр. 77.

и тот же звук в разных языковых позициях, под воздействием различных комбинаторных условий, артикулируется по-разному.

Так, например, артикуляция звука *m* в словах *mnr* — дай, давай и *ʃmʃʃʃ* — журнал, или артикуляция звука *n* в словах *nr* — ты и *nr* — поставь! явно отличаются друг от друга.

Звуки *m* и *n* в словах *ʃmʃʃʃ* и *nr* под воздействием последующего сонанта *ʃ* и гласного *i* палатализуются и произносятся значительно мягче. Помимо этого, каждый член языкового коллектива вводит свой, индивидуальный, субъективный оттенок в произношении данного звука.

Чем, однако, объяснить то обстоятельство, что различные с артикуляционно-акустической точки зрения звуки мы воспринимаем как одну звуковую единицу, как одну фонему?

«Дело в том, — говорит автор, — что в процессе распознавания речи мы игнорируем те частичные, индивидуальные различия, которые существуют в звучании каждого звука¹.

Соотношение между фонемой и ее разновидностями (вариантами)², как справедливо замечает проф. Агаян, есть соотношение между общим и частным.

Когда соотношение между общим (фонемой) и частным (ее разновидностями — вариантами) нарушается, приводя к их разрыву, тогда мы имеем уже не соотношение двух однородных звуковых единиц, а противопоставление двух качественно различных звуковых единиц.

Выдвигая понятие различных вариантов одной фонемы, проф. Агаян разъясняет все те обстоятельства, которые и делают возможным превращение звуковых вариантов в самостоятельные фонемы.

Функция самостоятельной звуковой единицы отрабатывается и закрепляется в языковом коллективе, в процессе исторического развития языка.

В каждом языке процесс вычленения вариантов фонем в качестве самостоятельных единиц протекает по-разному.

¹ Э. Б. Агаян, Введение в языковедение, стр. 150.

² Употребляемое автором слово *mnrnrnr* мы переводим термином «вариант».

В этом и заключается специфика каждого языка. В качестве примера проф. Агаян приводит категории палатализованных и непалатализованных согласных фонем т и ть, которые в русском языке получили самостоятельную языковую функцию смыслоразличения, а в армянском языке не получили этой функции¹. В армянском языке палатализация некоторых согласных фонем выступает как дополнительная акустическая характеристика данных фонем.

Развивая свои мысли, проф. Агаян приходит к следующему заключению.

Существует звуковое представление, которое со стороны данного языкового общества признано и оценено. Оно существует равномерно в сознании каждого индивида данного языкового общества. Как определенное звуковое представление оно обще и, как таковое, оно абстрактно. Конкретные выявления общих звуковых понятий, то есть произношения отдельных звуков, в совокупности своих вариантов и неразрывной связи с общим — есть реальное и частное.

В языкознании это общее носит название фонемы—հրիւնիւթ, а частное (конкретное) — название звука — հիւնիւթ.

«Фонемой является каждая звуковая единица, которая со стороны языкового коллектива получила общественное признание и оценку».

«...Каждая произносительная разновидность (вариант — А. А.) фонемы является звуком»².

Как вышеупомянутые нами авторы, так и другие арменисты³, которые занимались также вопросами звукового строя армянского языка, не рассматривали их в свете экспериментальных данных.

Единственной попыткой исследовать армянские звуки, пользуясь методами экспериментальной фонетики, является

¹ Э. Б. Агаян, Введение в языкознание, стр. 151.

² Там же, стр. 152. (Необходимо оговорить, что у армянских языковедов термин «звук» используется в смысле варианта, вариативных модификаций фонем).

³ См. М. Абебян, Теория современного армянского языка, Ереван, 1931. А. Гарибян, Армянская диалектология, 1953. Г. Севак, Теория современного армянского языка, 1939, ч. II. В. Аракелян, Фонетика современного армянского языка, 1955, Ереван и др.

работа выдающегося армянского лингвиста акад. Р. Ачаряна¹.

Работа акад. Р. Ачаряна «Исследование согласных звуков древнеармянского языка в современных диалектах»² представляет большой интерес для армянского языкознания и, в частности, для экспериментальной фонетики армянского языка, которая пока еще не имеет никаких традиций. К числу достоинств труда Р. Ачаряна прежде всего относится то, что он является первым и единственным образцом применения экспериментального метода исследования звуков в армянском языкознании, в частности, в армянской диалектологии. Работая в лаборатории экспериментальной фонетики Русло в Париже, Р. Ачарян использовал все основные методы экспериментального изучения, которые были известны в его время. Применяя пневматические методы, Р. Ачарян проанализировал согласные смычные звуки в их различных звучаниях, артикуляциях и при разной интенсивности.

¹ Нужно отметить, что заслуги акад. Р. Ачаряна в изучении армянского языка весьма велики и, в частности, в изучении армянской диалектологии, где на первый план автором всегда ставился звуковой состав исследуемого диалекта.

² Исследование акад. Р. Ачаряна «Les explosives de l'ancien Arménien étudiées dans les dialectes modernes». («Исследование смычных звуков древнеармянского языка в современных диалектах») было напечатано впервые в 1899 г. во французском журнале «La parole revue internationale de rhinologie, otologie, laryngologie et phonétique expérimentale», выходявшем в Париже под редакцией Русло (журнал издавался с 1899 по 1904 гг. Институтом ларингологии и орфоэпии «Institut de laryngologie et orthophonie»). Исследование Р. Ачаряна привлекло внимание таких ученых, как Русло и Мейе, которые в этом же журнале напечатали рецензии на работу Р. Ачаряна, оценивая ее как образцовый пример экспериментально-фонетического и общелингвистического исследования (см. Rousselot, «Note sur les évolutions phonétiques», «La parole revue internationale...», 1899, Paris; A. Meillet, «Notes historiques sur les changements de quelques explosives en arménien», там же).

Исследование Р. Ачаряна было опубликовано в лингвистическом журнале и впоследствии не переиздавалось, оставаясь по этой причине неизвестным. Между тем оно должно занять достойное место среди трудов самого автора и в армянской лингвистической науке. Работа невелика по объему, однако, с точки зрения ее исторического значения и научной содержательности, она представляет большой интерес.

Для достижения этой задачи он использовал кимографию. а для фиксирования вибрации голосовых связок Р. Ачарян воспользовался ларингофоном.

Качественно и количественно проанализировав результаты исследования, Р. Ачарян пришел к определенным выводам о ходе развития звукового состава исследуемого диалекта. Тщательно и умело составленные Р. Ачаряном фонетические таблицы и графики наглядно отображают характерный облик каждого диалекта в его историческом развитии.

Работа Р. Ачаряна в свое время вызвало живой интерес. В 1899 г. в армянском периодическом журнале Мхитарянского Аббатства «Андес Амсорее» в Вене была опубликована (на западноармянском языке) рецензия Я. Т. под заглавием «Фонетика армянских звуков»¹. Автор считает большой заслугой Р. Ачаряна «...то, что у него зародилась такая полезная мысль — исследовать и уточнить экспериментальным путем звуки армянского языка»².

Автор рецензии во всех подробностях рассматривает не только работу Р. Ачаряна, но и приложенные к ней рецензии Русло и Мейе.

«Настоящая работа, — пишет Я. Т., комментируя характер своей рецензии, — суммирует выводы исследования Р. Ачаряна, а также включает в себе некоторые профессиональные замечания Русло и небольшую заключительную часть с замечаниями армениста Мейе»³.

Кстати, автор излагает все те обстоятельства, которые стали причиной появления статьи Мейе и Русло. Дело заключалось в том, что рецензируя работу Р. Ачаряна, Русло познакомил А. Мейе с некоторыми своими предположениями относительно рассматриваемого вопроса⁴. Мейе сделал не-

¹ Я. Т., Фонетика армянских звуков. Журнал «Андес Амсорее», 1899, Вена. Мы предполагаем, что инициалы Я. Т., которыми подписана статья, принадлежит одному из известных представителей Мхитарянского Аббатства в Вене Якобосу Ташьяну.

² Указ. соч., стр. 289.

³ Указ. соч., стр. 289—290.

⁴ Вероятно потому, что Мейе был большим знатоком древнеармянского языка.

сколько существенных замечаний по поводу той интерпретации, которую дает Русло относительно эволюции звонких и глухих согласных в Мушском и Себасти́нском диалектах. При этом Мейе ссылается на одно высказывание Сиверса¹ относительно рассматриваемого вопроса.

Вся эта переписка (в виде статей) подробно излагается Я. Т. наряду с собственными предположениями.

Эти факты подтверждают то, что вопросы звукового состава армянского языка привлекали внимание Мейе, Русло, Сиверса и др. Этим объясняется активность, которую проявляли Русло и Мейе в связи с выходом в свет исследования Р. Ачаряна, тем более, что оно по своему характеру было новым явлением в армянской лингвистике.

Подчеркивая практическое значение исследования Р. Ачаряна, рецензент пишет:

«По заглавию можно предположить, что работа носит чисто лингвистический (теоретический — А. А.) характер. Однако это не так. Она является образцом нового, экспериментального подхода к языковым фактам, в частности, к армянскому языку... Настоящее исследование, которое можно назвать (экспериментально) фонетическим, имеет целью зафиксировать на соответствующей аппаратуре силу выдыхаемого воздуха и вибрацию голосовых связок. Это дает нам реальную основу и возможность измерять и сравнивать произношение разных звуков... К работе приложены фонетические таблицы, которые обогащают и делают ее более наглядной»².

В таблицах автор иллюстрирует различные варианты одного звука, употребляемые в разных диалектах. Они изображены следующими условными знаками:

С¹⁻³ — Константинопольский диалект (три разновидности произношения);

А — Асланбегский диалект;

М¹⁻² — Мушский диалект (два различных произношения);

¹ Sievers E., Grundzüge der Phonetik, Leipzig, IV изд., стр. 158, 1876.

² Я. Т., Фонетика армянских звуков. Журнал «Андес Амсорга», 1899, Вена, стр. 289.

С — Себасти́нский диалект;
Sh — Шуши́нский диалект;
N — Нухи́нский диалект.

Графики Р. Ачаряна дают полноценное представление о таких факторах речевой артикуляции, как степень интенсивности воздушного тока в процессе артикуляции, о вибрации голосовых связок при артикуляции разных звуков. По графикам можно узнать также о третьем факторе артикуляции, а именно, о времени произношения каждого звука (по масштабу 0,01 сек).

Конечно, применяемые Р. Ачаряном методы исследования были довольно скудны (собственно говоря, он в этом несколько не виноват, поскольку для своих целей он использовал ту основную экспериментально-фонетическую аппаратуру, которая применялась в его время и которой была оборудована лаборатория Русло).

Применение пневматических методов исследования при изучении звукового состава языка в свое время дало весьма ценные результаты в научно-исследовательской деятельности Русло, Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы и др.

Тогда пневматический метод был одним из основных методов изучения звукового состава языка. Им пользуются и сейчас, в современной экспериментальной фонетической науке, однако, только как вспомогательным методом. По этому поводу проф. В. А. Артемов замечает:

«Пневматические методы изучения звукового состава языка, в прошлом давшие экспериментальной фонетике богатый фактический материал, к настоящему времени технически устарели. Они с успехом заменены электроакустическими методами»¹.

Однако наша задача состоит не в том, чтобы критически рассматривать работу Р. Ачаряна с точки зрения применяемых им методов или аппаратуры. Нас, в первую очередь, интересует характер данного исследования, его методика и, наконец, способы обработки результатов исследования —

¹ Проф. В. А. Артемов, Методы экспериментально-фонетического изучения звукового состава языка. Тезисы доклада на V Совещании секции акустики АН СССР, 1955.

тщательно и умело составленные графики и таблицы, которые дают исчерпывающее представление о каждом диалекте, количественная и качественная обработка полученных данных и формулировка выводов исследования.

К сожалению, эта попытка экспериментально-фонетического изучения звукового состава армянского языка не получила дальнейшего развития. Тем не менее, как и во многих областях армянского языкознания, первое слово в области экспериментальной фонетики принадлежит акад. Р. Ачаряну, и мы вправе в его лице признать зачинателя экспериментально-фонетического исследования звукового состава родного языка.

Ա. ԱՐԱՄՅԱՆ

ՀնՋՅՈՒՆԱՐԱՆՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ՀՆՋՅՈՒՆԱԽՈՍՈՒԹՅԱՆ ՄԻ
ՔԱՆԻ ՀԱՐՑԵՐԸ ՌՈՒՍ ԵՎ ՀԱՅ ԼԵՋՎԱՐԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ

Ա մ փ ո փ ու մ

Ռուս լեզվաբաններ Ի. Ա. Բոդուն-դե-Կուրտենեն, Ն. Վ. Կրուշևսկին, Վ. Ա. Բոգորոդիցկին, Վ. Վ. Շչերբան, և ուրիշները հարց են բարձրացրել հնչույթի, որպես մարդկային խոսքի ռեալ գոյություն ունեցող երևույթի մասին, նրա իմաստաբերակից դերի և սոցիալական բնույթի մասին:

Հնչյունաբանության և հնչյունախոսության վերաբերող պրոբլեմների հետագա մշակումը սովետական լեզվաբանության մեջ ղարգանձում է երկու ուղղությամբ. ի դեմս Մոսկովյան (Ռ. Ի. Ավանեսով, Պ. Ս. Կուլնեցով, Ա. Ս. Ռեֆորմատսկի, Վ. Ն. Սիդորով ու ուրիշներ) և Վենինգրադյան (Մ. Ի. Մատուսևիչ, Լ. Ռ. Զինգեր, Վ. Ի. Լիտկին և ուրիշները) լեզվաբանական դպրոցների: Մոսկովյան հնչյունախոսական դպրոցը զարգացնում է հնչույթի հիմնական տեսակի, վարիանտների և վարիացիաների, ուժեղ և թույլ հնչյունադիրքերի վերաբերյալ հարցեր:

Ելնելով Ի. Ա. Բոդուն-դե-Կուրտենենի դիվերգենտների սկզբունքից, որը դիրքային հնչյունափոխության ենթարկված հնչյուն-

ները համարում է մեկ հնչույթի ձևափոխություններ, վարիանտների և վարիացիաների տեսությունը, ի հակադրություն լեհինգրադյան ֆոնոլոգիական դպրոցի, կարողանում է տեսնել մեկ հնչույթի կենդանի մարմնացումը տարբեր մասնավոր դեպքերում:

Զարգացնելով ուժեղ և թույլ հնչյունադիրքերի սկզբունքը, մուկովյան տեսությունը գտնում է, որ հնչույթի հիմնական տեսակը բացահայտվում է հնչյունական ուժեղ դիրքում, իսկ մնացած թույլ դիրքերում հանդես են գալիս հնչույթի վարիանտներն ու վարիացիաները: Շնորհիվ հնչույթի իմաստատարքերակիչ դերի, յուրաքանչյուր լեզվում իրականանում է բառերի և ձևայինների ֆունկցիոնալ-հնչյունաբանական վերլուծությունը:

Յուրաքանչյուր լեզվի հնչյունական համակարգը բացահայտվում և սահմանվում է հնչույթների հակադրման սկզբունքով: Հակադրումը իրականանում է բնութագրող արտասանական այն հատկանիշների հիման վրա, որոնք զանազանում են մեկ հնչույթը մյուսից, կամ հնչույթների մի խումբը մյուսից (ակ. Լ. Վ. Շչերբայի քվազի-օմոնիմների մեթոդը):

Հայ լեզվաբանության մեջ հնչյունաբանության և հնչյունաբանության խնդիրները քննարկվել են ընդհանուր լեզվաբանական տեսանկյունից կամ կրել են բարբառագիտական ուսումնասիրության բնույթ: (Կ. Պատկանով, Լ. Մսերյանց, Ս. Սարգսյանց, Ա. Տոմսոն, Յ. Հանուշ, Հ. Աճառյան, Ս. Մալխասյան, Մ. Աբեղյան, Ա. Ղարիբյան, Գ. Սևակ, Վ. Առաքելյան և ուրիշներ): Համեմատաբար ավելի լայն պլանով, սակայն նորից ընդհանուր լեզվաբանության տեսանկյունից, հնչյունաբանության և հնչյունախոսության վերաբերյալ հարցեր իրենց աշխատություններում քննարկել են պրոֆ. Գ. Ղափանցյանը և պրոֆ. է. Աղայանը:

Միակ աշխատությունը, որտեղ հայոց լեզվի հնչյունական համակարգին վերաբերող մի քանի խնդիրներ քննարկվել են փորձնական-հնչյունաբանական հետազոտության տվյալներով ակադ. Հր. Աճառյանի «Հին հայերենի պայթական բաղաձայնների հետազոտությունը ժամանակակից բարբառներում» աշխատությունն է, գրված 1899 թ. Փարիզում և հրատարակված Փարիզի «Լարինգոլոգիայի և օրթոպիայի» ինստիտուտի կողմից՝ արքա Ռուսոյի խմբագրությամբ: